

Архимандрит АВГУСТИН (Никитин),
доцент Ленинградской Духовной Академии.

О ПОЧИТАНИИ СВЯТЫХ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

(Из истории русско-скандинавских церковных связей)

*«По примеру призвавшего вас Святого,
и сами будьте святы во всех поступках,
Ибо написано: будьте святы, потому что
Я свят» (1 Пет. 1, 15—16)*

Западные святые и Древняя Русь

Почитание святых угодников Божиих на Руси практиковалось издревле — со времени принятия христианства из Византии почти тысячу лет тому назад. Русские христиане благоговейно почитали память первохристианских мучеников, святых отцов Церкви, отстаивавших чистоту Православия, миссионеров, просвещавших языческие народы светом христианского вероучения. Но и впоследствии в Русской Православной Церкви появлялись подвижники христианского благочестия, которые после своей смерти были причисляемы к лику святых. Большинство из них были русскими людьми, но некоторые являлись выходцами с Запада. Так, уже в древнерусских церковных рукописных сборниках имелись молитвы с именами, по крайней мере, трех скандинавских и двух англо-саксонских святых¹.

Эти сведения подтверждаются и данными древних западных рукописных источников. Так, в повести о Торвальде-путешественнике сообщается об исландце, жившем во второй половине X в. и принимавшем деятельное участие в христианизации Исландии. Там также говорится о том, что Торвальд в конце своей жизни отправился в Иерусалим, а оттуда — в Грецию (Grikkjariki), где был в большом почете у императора и византийского духовенства по причине своего высокого благочестия. Далее сообщается, что византийский император послал его на Русь, где Торвальд основал монастырь при церкви Иоанна Крестителя, щедро оделил его именем и кончил в нем свою жизнь; монастырь этот стоит под горой, которая называется Droln².

Эти данные дополняет другая сага, где сообщается о паломничестве Торвальда в Иерусалим и в Микалагард (Константинополь), а затем в Киев (Kaenugardr), «по восточному берегу Днепра», и о его смерти «в Русии» (Ruzia) недалеко от Полоцка (Pallteskja). По словам саги, он похоронен там в горе, близ церкви Иоанна Крестителя, «и его называют святым». В подтверждение приводится строфа скальда Бранда-путешественника, побывавшего там, где «похоронен святой (Торвальд) в горе на Droln у церкви Иоанна»³.

Большой интерес представляет и личность норвежского короля Олафа Харальдсона. Он принял крещение в Руане в 1013—1015 гг.; в 1028 г. был вынужден покинуть Норвегию и в 1029 г., после краткого пребывания на о. Готланд, приехал в Новгород. Об этом событии рассказывается во многих произведенных древнескандинавской литературы, посвященных Олафу: сагах, хрониках, житиях. В 1030 г. Олаф вернулся в Норвегию чтобы продолжить борьбу за трон, но в битве при Стиклестадире был убит. Как один из первых королей-христиан, особенно усердно занимавшийся миссионерской деятельностью, он вскоре после смерти был причислен к лику святых⁴. Через год после смерти, в 1031 г., тело Олафа было перенесено в собор в Нидарос (ныне Тронхейм), и архиепископом Гримкелем он был объявлен святым. В конце XII в. папа Александр III утвердил канонизацию местных скандинавских святых, и в дальнейшем она осуществлялась папской курией.

Уже под 1031 г. в исландских анналах, относящихся к XIII—XIV вв., к имени Олафа добавляется слово «святой»: «Translatio sancti Olavi regis», «Helgi Olafs konungs», «Olafur hinu helgi», которое не употреблялось по отношению к нему до этого времени. Олаф Харальдсон был первым скандинавским святым, и многие церкви в Скандинавии назывались его именем⁵. А в 1164 г. св. Олаф был также объявлен «покровителем Норвегии» и даже «вечным королем Норвегии» («perpetuus rex Norvegiae»).

Известному религиозному песнотворцу Эйнару Скуласону принадлежит большое духовное стихотворение «Olafs-dræra»; оно было написано в честь св. Олафа и читалось в церкви в Нидаросе. В нем прославляются заслуги св. Олафа в деле распространения христианства и в особенности чудеса, совершенные им после смерти. В одной из саг повествуется также, что «церковь при чтении этой песни наполнялась чудным благоуханием — признак того, что святому нравилась эта песнь»⁶.

Св. Олаф одинаково почитался как в Норвегии, так и на Руси. Об этом свидетельствует факт существования в конце XI в. в Новгороде церкви, названной в честь св. Олафа. Она упомянута в одной из рунических надписей конца XI в. Время создания церкви (которая упоминается и в Новгородской первой летописи под 1152 г., хотя и без названия ее покровителя)⁷ следует отнести ко второй половине XI в.⁸ Возведение «варяжской» церкви в Новгороде означает, что там находился постоянный (или регулярно возобновляемый) контингент скандинавов — в первую очередь купцов, для деятельности которых требовался не только торговый двор, но и храм для совершения богослужений. Варяжская церковь в Новгороде играла важную роль в процессе духовного просвещения северной Руси, поскольку в новгородской земле в середине — конце XI в. процесс христианизации не был еще завершен. Даже в первой половине XII в. в известном «Вопрошании Кирика» упоминаются те русские христиане, которые «носят дети к варяжскому попу на молитву»⁹.

Не случайно, что при названии церкви в Новгороде выбор пал именно на Олафа, в то время как скандинавские церкви в Смоленске и Константинополе назывались в честь Богородицы. Видимо, сыграло роль его пребывание в Новгороде незадолго до смерти; св. Олаф пользовался там почитанием. Об этом свидетельствует молитва Святой Троице, составленная в XI в. и довольно распространенная на Руси: сохранилось много ее вариантов в рукописях XIX—XVI вв. Это молитва западного происхождения; в ней перечислен ряд западноевропейских святых, в их числе норвежский святой Олаф и датский — Канут¹⁰.

О почитании св. Олафа в Новгороде сообщается и в одном из норвежских сборников проповедей. «Случилось однажды в Гардах (скандинавское название Древней Руси. — А. А.) на востоке, — писал древний автор, — что загорелось в торговом городе, который назывался Хольмгард (Новгород. — А. А.), и казалось, что горит весь город. И побежали все люди, полные страха, к одному священнику, который звался Стефан. Он служил в церкви св. Олава, и хотели (жители города) испытать в такой великой беде помощь и могущество Олава конунга и так проверить рассказы других людей. И как только священник услышал их желание и просьбу, он схватил изображение того доброго господина и обратил против огня. И огонь не пошел дальше того места, где он начался, и так была спасена большая часть города»¹¹.

Храм св. Олафа в Новгороде служил также местом захоронения тех скандинавов, которые расставались с жизнью вдали от родины. Так, например, в упоминавшейся выше рунической надписи, относящейся ко второй половине XI в., сообщается о шведском купце или воине Спяябде, который «умер в Хольмгарде (и был похоронен. — А. А.) в церкви (святого) Олафа»¹². Храм св. Олафа существовал в Новгороде долгое время; в последний раз он упоминается в летописи под 1311 г.

Западные христиане и русские святые

История сохранила документальные свидетельства о том, что некоторые западные христиане имели возможность лично общаться с теми русскими подвижниками веры и благочестия, которые впоследствии, после своей кончины, были причислены к лику святых. В первую очередь необходимо упомянуть о преподобных Антонии и Феодосии, Киево-Печерских чудотворцах. Как повествуется в «Киево-Печерском Патерике», в ходе междоусобных войн из Швеции в Киевскую Русь бежал Шимон, сын «варяжского князя Африкана». Он нашел прибежище в Печерской обители, пришел туда «к великому и святому Антонию, молитвы ради и благословения»¹³.

Шимон подвизался в этом монастыре и приложил большие усилия для благоустройства обители. Преп. Антоний «похвали Бога о сем, рек варягови: чадо, отселе не наречется имя твое Шимон, но Симон будет имя твое». Симон имел духовное общение и с другим киево-печерским насельником — преп. Феодосием: «Симон же приим молитву и благословение от святого, яко некий бисер многоценный и дар... научен быв святым отцем нашим Феодосием, оставив латинскую буюсть и истинные веровав в Господа нашего Иисуса Христа и со всем домом своим, яко до 3000 душ и со иереи своими, чудес ради бывающих от святого Антония и Феодосия»¹⁴.

Далее речь пойдет о святом благоверном и великом князе Александре Невском (1220—1263), который, будучи новгородским князем, защищал православные земли от нашествия иноземцев как с Запада, так и с Востока. Его нетленные мощи, открытые в 1380 г., были торжественно перенесены в Петербург (1724 г.) в названную его именем Александро-Невскую Лавру.

Как известно, в 1251 г. князь Александр Невский снарядил посольство в Норвегию. «В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Трондгейме, прибыли с востока из Гардарики (земля гардов, Русь.— А. А.) послы Александра конунга Хольмгарда (Новгорода.— А. А.): один звался Микьял (Михаил.— А. А.) и был рыцарь тот, кто стоял во главе их»,— сообщается в древней скандинавской хронике¹⁵. Весной того же года норвежский король отправил своих послов в Новгород, «и поехали на восток в Хольмгард вместе с послами Александра конунга; стояли во главе их Виглейк, сын священника, и Боргар. Поехали они в Бьоргюн (Берген.— А. А.), а оттуда восточным путем. Прибыли они летом в Хольмгард, и конунг принял их хорошо»¹⁶.

Можно упомянуть и о другом русском подвижнике — преп. Трифоне Печенгском. Кольском († 1583). Будучи родом из Торжка, входившего в то время в состав новгородских земель, преп. Трифон посвятил свою жизнь проповеди Евангелия среди языческого населения Кольского полуострова. Как известно, в начале XVI в. русские миссионеры начали проводить христианизацию местного населения Лапландии и Финмаркена. Совершителями этой миссии были русские инок: пустынный Феодорит крестьян кольских лопарей, а преп. Трифон обращал в Православие лопарей, живших на реке Печенге.

Особая роль в развитии русско-норвежских церковных связей принадлежит Печенгскому монастырю, основанному около 1530—1540 гг. Он был расположен в глубине Варангер-фьорда, точнее, на реке Печенге, близ ее впадения в Варангер-фьорд. Монастырь находился у самой границы с Норвегией и вел торговлю с лежащим на другом берегу того же Варангер-фьорда норвежским городом Вардэ. По сообщению голландского купца Салингена, «пока Эрик Мунк был там (в Вардэ) фогтом, монахи, как Трифон (Trifaen), построившие за несколько лет перед тем монастырь в Монкенфорте (датск.— монашеский фьорд), приезжали продавать рыбу»¹⁷ — такова запись Салингена за 1564 г.

Симону ван Салингену довелось встречаться и с самим преп. Трифоном, основателем Печенгского монастыря. Трифон поведал голландскому купцу о том, как он начал строить монастырь и что побудило его к этому. По сообщению Салингена, Трифон, дав монашеский обет, «в одном месте, вверх от Монкенфорта, построил небольшую келью и взял с собой иконы, перед которыми молился Богу, прожил там значительное время, вовсе не видя людей... Молва об его святой жизни распространилась в других местах, и его стало посещать много народа, прослышавшего об его келье, построенной им в пустыне. Так как они просили его о том, чтобы он построил тут церковь, где бы можно было совершать богослужение, то он выстроил часовню, куда пригласил черного попа (иеромонаха.— А. А.), который служил ему обедню и пр., и тогда же надел он на себя клобук. После построения часовни его стало посещать еще больше народу. В общем, к часовне приезжали и рыбаки и жертвовали рыбу в пользу часовни; благодаря таким дарам построен был большой монастырь на одну милю ниже на реке. Рыбаки приезжали также для пострижения, когда их постигала болезнь. Однако еще в 1565 году монахов было всего около двадцати и приблизительно 30 служек или монастырских работников»¹⁸.

Таковы некоторые сведения о деятельности святых угодников Божиих, внесших свою лепту в развитие отношений между Православной Русью и странами Запада. Но в те годы, когда преп. Трифон Печенгский просвещал жителей Кольского полуострова, Реформация постепенно утвердилась в северных немецких землях, а затем и в скандинавских странах. К этому времени относятся и первые богословские диспуты, проводившиеся в России между православными и лютеранами по поводу почитания святых.

Богословские диспуты о почитании святых (XVI—XVIII вв.)

Во время различных аудиенций, на которых присутствовали представители из протестантских государств, русский царь Иван Грозный нередко вступал с ними в беседы на богословские темы. Одна из таких дискуссий относится к 1557 г., когда царь принял архиепископа Улсальского Лаврентия Петри¹⁹. По требованию царя Московский митрополит Макарий начал с лютеранским архиепископом беседу о почитании святых. Но поскольку переводчик недостаточно хорошо знал богословскую терминологию, беседу пришлось прекратить. Иван Грозный в знак своего расположения подарил архиепископу золотую цепь, и на этом аудиенция была закончена²⁰.

В 1575 г. в Россию прибыло датское посольство во главе с Яковом Ульфельдом. В состав посольства входил «Андреас Фюнникус, пастор господина Якоба Ульфельда»²¹. Во время пребывания в Новгороде датский пастор имел диспут с православными жителями этого города, сопровождавшимися членами посольства. В ходе собеседования были затронуты различные богословские вопросы, в том числе и вопрос о почитании святых.

Будучи лютеранином, пастор Андреас отрицал необходимость поклонения святым угодникам Божиим и иконопочитание. В данном случае интересно привести его доводы, поскольку это дает возможность составить представление о протестантской аргументации, бытовавшей на этот счет в XVI ст. Вот что сообщал пастор Андреас о своих богословских диспутах с русскими православными христианами: «Я многократно разговаривал с их священниками и боярами о вере и обрядах и доказывал, что святым ни под каким видом молиться не надобно, ссылаясь в сем на Священное Писание и приводя из многих мест свидетельств, а именно из 20-й главы Исхода, из 5-й главы Второзакония: «не делай кумиров, не поклоняйся им, и не почитай оных; также из 44-й главы пророка Исани, который жестоко ругает тех, которые делают образы, притом из 6-й главы Варуха, 115-й псалом, наконец, из Посланий апостола Павла к Коринфянам: «не принимайте идолов»; сими доказательствами думал я уговорить их, так что они мне в том поверят; но нимало не успел, и... (они) одно только то отвечали, что как прежде их (предки.— А. А.) образам поклонялись, так и сами они то же будут делать; притом говорили, что многие чудотворения бывают, чем доказывали хранение должного почитания икон»²². Как видно из дальнейшего повествования датского пастора, каждая сторона в конечном счете осталась при своем мнении²³.

Еще одно собеседование такого рода имело место в 1602 г. во время пребывания в России очередного посольства из Дании. На этот раз датский король Христиан IV послал в Россию своего брата Ганса, герцога Шлезвиг-Гольштинского, в качестве жениха царевны Ксении Борисовны. В составе многочисленной свиты герцога находился Аксель Гюльденстерне, старший из послов, которому принадлежит описание этого путешествия²⁴. Как сообщал автор, вскоре по прибытии в Москву герцог Ганс тяжело заболел, и царь Борис, распорядившись, «чтобы во всех церквах молились за королевича герцога Ганса», навещал его, лежавшего на смертном одре.

Во время своего визита к герцогу Гансу царь Борис имел беседу на богословские темы с Акселем Гюльденстерне. По словам датского посла, царь спросил его, «почитается ли в Дании великий угодник св. Николай». Будучи лютеранином, Аксель Гюльденстерне ответил, что «мы ни почитаем его, ни бесчестим, как и остальных святых; мы не делаем им ни добра, ни худа». В ответ на эти слова царь Борис «поднял глаза к небу, покачал головой и сказал, что он (св. Николай.— А. А.) великий угодник и совершил много могущественных великих чудес, так как в его житии можно прочесть, что он воскрешал умерших через три дня после их смерти, а также (подобно Ионе) пробыл три дня в ките и затем был освобожден; царь говорил и о многих других совершенных им великих чудесах, и что в его житии можно прочесть, что он многих исцелил от необыкновенно тяжких недугов»²⁵. Вполне понятно, что Аксель Гюльденстерне не решился возражать русскому царю в столь печальный час, так что дальнейшего обсуждения этого вопроса не последовало²⁶.

В 1644 г. в Россию снова было направлено посольство из Дании; в составе посольства находился лютеранский пастор Матфей Фильгобер. Датчане находились в Москве продолжительное время, поскольку велись переговоры о заключении брака датского принца Вальдемара и царевны Ирины, дочери русского царя Михаила Федоровича. С 3 по 7 июня 1645 г. представители московского православного духовенства во главе с патриархом Иосифом участвовали в богословских прениях с пастором Фильгобером. Интересно отметить, что вечерами, по окончании прений, пастор Фильгобер продолжал богословские дискуссии со священником Иоанном Наседкой;

эти споры велись в доме русского резидента в Швеции Форенсбаха Францебека, перешедшего из лютеранства в Православие.

Хотя свои аргументы по ряду вопросов пастор Фильгобер излагал в таком примирительном тоне, что и на сегодняшний день они не потеряли своей ценности для экуменического диалога, все же по вопросу о почитании святых не было достигнуто взаимного согласия. Это явствует из содержания заключительного документа, составленного в ходе собеседования православной стороной. Пастору Фильгоберу было сказано следующее: «Пречистыя Богородицы и святых, верою угодивших Богу, вы (лютеране.— А. А.) ни чтете, ни поклоняетесь им. Не почитаете мощей святых; церкви ваши не святы, потому что нет в них антиминсов с мощами мучеников»²⁷. Таков был итог обсуждения по данному вопросу. И в целом этот диалог не имел определенной перспективы, так как политико-династические соображения отрицательно влияли на ход собеседования, и в дальнейшем прения не возобновлялись до самого отъезда датского посольства из России в 1645 г.

Большое внимание традиции почитания святых на Руси уделил шведский лютеранин Генрих Седерберг, живший в России с 1709 по 1718 г. В его сочинении, посвященном России, одна из глав (7-я «О русской вере») содержит много сведений об этом древнехристианском обычае. По словам автора, русские христиане, «хотя и боготворят Святую Троицу, но призывают на помощь вместе с тем и святых, и изображениями последних оказывают большие почести, зывают к Деве Марии, как Посреднице душеспасения, примирившей нас с Богом... Русские не только почитают апостолов, молясь им и простираясь пред их мощами, но также и пророков, отцов Церкви, мучеников и других святых, дабы посредничеством их иметь помощь... Первая степень (святости) принадлежит Иисусу, потом Деве Марии, и, наконец, Небесным Сидам, со всеми святыми, которые каждый по-своему влияет на спасение души человека и приходит к нему на помощь... Паче всего, отдавая почти божеские почести, почитают они Николая Барийского (de Vari), которого избрали своим покровителем и считают защитником всей русской земли, почему во многих местах в честь его построили церкви и весьма превозносят его чудеса»²⁸.

В сочинении Генриха Седерберга содержится и отзывы тех богословских дискуссий, которые велись в его время в России между православными и лютеранами по поводу почитания святых. По словам автора, когда протестанты приводили русским верующим ссылку «на Евангелие от Матфея 4, 10: «Господу Богу твоему поклонися, и Тому Единому послужиши», они отвечают, что это было сказано сатане; но что также писано, что Бог святится через своих святых, когда призывается их помощь»²⁹.

В конце 7-й главы своего сочинения Генрих Седерберг привел 23 положения христианского вероучения, в которых, по его мнению, имелись существенные совпадения между православным и лютеранским вероучением³⁰. Интересно отметить, что в этом перечне имеется и вопрос о почитании святых (17-й пункт), — единственный из всех, в котором автор проявил непоследовательность, изложив его следующим образом: «Ни молитва, никакой святой не могут снискать милость Христа; несмотря на то, они (русские христиане.— А. А.) обращаются к святым»³¹. Тем не менее остальные 22 положения христианского вероучения, выделенные Генрихом Седербергом, являются важным документом, имеющим особую богословскую значимость в наше время, когда осуществляется проведение двусторонних православно-лютеранских собеседований и состоялось официальное открытие всеправославно-лютеранского диалога.

Лютеранские авторы XVII—XVIII вв. о почитании святых в России

Большое внимание религиозной стороне быта русского народа уделил известный шведский историк Петр Петрей (1570—1622) (шв. — Peer Persson; лат. — Petrus Petrejus). В 1602 г. он прибыл из Швеции в Россию и прожил здесь 4 года; затем вернулся на родину и, исполняя поручения шведского правительства, в 1608 и 1611 г. снова приезжал в Россию. По возвращении в Швецию он в 1615 г. издал в Стокгольме сочинение под названием «Regni Moscovitiae Sciographia», а в 1620 г. было осуществлено издание немецкого перевода этого сочинения в Лейпциге: «Historien und Bericht von dem Grossfürstenthum Moschow» («История о великом княжестве Московском»).

Говоря о начальном периоде христианизации Руси, П. Петрей повествует о русских святых: св. равноапостольной княгине Ольге и св. равноапостольном князе Владимире. Он отмечает, что княгиня «Ольга отправилась в Константинополь, кре-

стилась там по греческому обряду и названа была Еленой... Она первая княгиня в России, принявшая крещение, и так была расположена к греческой вере, что склонила множество людей мужского и женского пола принять эту веру и креститься»³².

Далее П. Петрей, следуя сообщениям русских летописей, излагает сведения о Крещении Руси. Упомянув о том, что князь Владимир «крестился в Корсуни», автор пишет далее, что по возвращении в Киев князь «велел рубить, ломать и жечь все идолы в своей земле и побудил всех подданных принять греческую веру, которой русские твердо держатся еще и ныне и исповедуют ее во всех статьях и обрядах»³³.

Особый интерес в сочинении П. Петрея представляет его описание Троице-Сергиева монастыря (ныне Свято-Троицкая Сергиева Лавра), основанного в 1337 г. преп. Сергием Радонежским. Как свидетельствовал автор, «в 12-ти милях³⁴ от Москвы находится прекрасный и славный мужской монастырь, построенный из кирпича и называемый Троица; он имеет большие богатства и доходы и может ежегодно продовольствовать пищей и питьем 400 монахов с их прислугой и челядью. Два раза в год ездит в этот монастырь на богомолье великий князь со всеми своими придворными: в первый раз на Воскресенье Св. Троицы, в другой — на Михайлов день; подъехав на полмили к монастырю, он выходит из коляски и идет со всею придворной челядью пешком до монастыря, в том мнении, что творит тем большую службу святому человеку Сергию, чтобы он тем лучше и охотнее хранил его во всякой нужде, соблюдал от всякой беды и напасти, помогал ему счастливо царствовать и даровал долгую жизнь»³⁵.

«От этого Сергия, — уточняет автор, — монастырь получил и свое название, хотя он называется также и монастырем Святой Троицы, потому что великий князь каждый год в Троицкую Воскресенье должен ходить туда на богомолье»³⁶. П. Петрей, будучи лютеранином, проявлял интерес к древнехристианскому обычаю поклонения святым — традиции, которая была упразднена в скандинавских странах в ходе Реформации. По словам Петрея, «русские говорят об этом Сергии, что он... творил много чудес, знамений и лежит еще свежий и нетленный, как будто вчера или третьего дня скончался, исцелял множество хромых и слепых, которые посещали его и прикасались к его телу. Потому-то и бывает там большое стечение народа со всей земли, как бывало в старину в Иерусалиме»³⁷.

«Все проезжающие мимо монастыря, богатые ли они, или бедные... делают святому подаяние, каждый по своим средствам»³⁸, — продолжает П. Петрей. Далее автор подробно описывает события Смутного времени³⁹ и, кроме этого, упоминает о некоторых русских городах и, в частности, сообщает о Калуге, жители которой исправляют «свои повинности в пользу монахов Троицкого монастыря, в 36 милях от Москвы, где погребен св. Сергий»⁴⁰.

П. Петрей говорит и о Можайске «с крепостью, где находится образ св. Николая, который содержится в большой чести и богато украшен драгоценными камнями, жемчугом и золотом»⁴¹.

Почитание преп. Сергия Радонежского было так велико в России, что и другие лютеранские авторы не могли обойти вниманием память этого великого русского святого. О преп. Сергии и основанном им монастыре сообщал и упомянутый ранее шведский лютеранин Г. Седерберг. Он писал о «монастыре св. Сергия, русского отшельника, который умер там в сане игумена и причислен к лику святых... Св. Сергий был так свят, что в целом томе не вместятся все те почетные названия, которые русские ему придают»⁴².

Но преп. Сергий Радонежский не был единственным святым, к которому русские христиане обращались в своих молитвах. Г. Седерберг отмечал также, что русские отправляются на богомолье также во многие другие монастыри, и так как в целой России очень много таких святых, которые за совершенные чудеса причтены к лику святых, то народ, полагая, что такие путешествия могут излечить от болезней, ходит ежегодно в процессиях по монастырям и церквам»⁴³.

И, наконец, можно привести еще одно свидетельство Г. Седерберга о традиции почитания святых русскими людьми в повседневном быту. «Они тотчас, как встанут с постели, прежде чем выйти из дома, воздыхают перед своими святыми, — пишет автор, — также никогда, войдя в дом, не здороваются ни с кем, если бы даже находились там знатнейшие князья, пока не приветствовали святых и не помолились им, и если они... не заметят их образа... им показывают святых с великим почтением, и вошедший кланяется с большим уважением, воздыхая и крестя свою грудь и лицо»⁴⁴.

Шведский автор П. Петрей побывал в России в начале XVII в., времени, когда русское православное духовенство и верующие в своем большинстве еще находились в рамках конфессиональной замкнутости. В те годы не могло быть и речи о том, чтобы лютеранскому гостю была предоставлена возможность посетить православный храм и осмотреть благоговейно сохраняющиеся там мощи святых угодников Божиих. Что касается Г. Седерберга, то он жил в России в эпоху правления Петра I (1696—1725), которая отличалась широтой подхода к инославью⁴⁵. Но поскольку Г. Седерберг жил в России на правах военнопленного, захваченного русскими войсками под Полтавой, он также не имел возможности посещать православные храмы. В эти годы такой возможностью могли пользоваться лишь те инославные христиане, которые посещали Россию с официальными полномочиями и имели высокий статус.

Поэтому большой интерес вызывают записки датского лютеранина Юста Юля, которого датский король направил к Петру I в качестве своего посланника. Будучи в Новгороде в декабре 1709 г. Ю. Юль смог наглядно убедиться в том, что русские христиане с благоговением относятся к мощам угодников Божиих и чтят их память. «Мне показали тело Св. Никиты, который, как говорят, вот уже 450 лет сохраняется после смерти нетленным, — сообщал датский посланник. — По имени этого святого и церковь называется Никитской (Niketä-Kirkje). Показали мне и другого угодника, св. Иоанна, тоже лежащего в великоленной раке. Иоани этот был некогда архиереем в Новгороде. Как уверяют, мощи его уже 600 лет сохраняются нетленными. Лицо его было закрыто черным вышитым платком»⁴⁶.

Затем Ю. Юль посетил монастырь св. Антония Римлянина, Новгородского чудотворца (1067—1147), где встретился с наместником монастыря. «Епископ немедленно вышел ко мне навстречу в клобуке с длинным покровом, в своих епископских украшениях и с посохом в руке, осевив меня крестным знамением, он повел меня в церковь»⁴⁷, — сообщает автор, а затем, изложив для своих датских читателей предание, связанное с прибытием св. Антония из Италии в Новгород в 1106 г., продолжает: «Архиерей показал мне также мощи св. Антония. Перед тем как приступить к медному гробу, в котором они лежали, и поднять его крышку, настоятель много раз им поклонился. Он хотел, чтобы и я им поклонился и перекрестился перед ними, но сопровождавший меня монах сказал ему, чтобы он открыл мне мощи, не требуя от меня ни поклона пред ними, ни иных знаков почтения. Впрочем, лица святого для меня не открыли, зато показали множество ношенных им одеяний, как-то: шапку и ризы, из коих одна была вся вышита и сплошь усажена кругом настоящим жемчугом»⁴⁸.

Перед уходом из монастыря датскому гостю была показана пещера, где св. Антоний пребывал в молитвенном уединении; наместник обители радушно простился с Ю. Юлем, подарив ему икону с изображением св. Антония, а также написанное по-русски житие этого угодника⁴⁹.

Находясь в Москве в марте 1711 г., Ю. Юль также имел возможность увидеть православные святыни. Посетив Успенский собор, Московского Кремля, он обратил внимание на изображения святых, которые он увидел в иконостасе. «Иконостас, отделяющий алтарь от остальной части собора и поднимающийся во всю его высоту, покрыт живописью и уставлен множеством образов, — писал он. — Относительно этих образов следует заметить, что как на старинных католических образах, большое число которых еще уцелело в наших церквах, вокруг головы Спасителя, апостолов и других святых нарисован желтый обручик, изображающий блеск и сияние, исходящее от их лиц, — так по всей России вместо этого желтого обручика обыкновенно к образам, кругом головы святых, приделан такой же величинный венчик из меди, серебра или золота. Венчик этот служит украшением, взамен католического малевания. В Успенском соборе венчики на иконах золотые, усаженные множеством драгоценных камней и жемчугов. Тут к стати заметить, что в России нигде не встречается резных образов, а есть только гладкие, писаные»⁵⁰.

И снова, как ранее в Новгороде, датскому посланнику довелось лицезреть благоговейное почитание святых в Русской Православной Церкви. На этот раз сначала ему было показано место упокоения святителей Московских и, в частности, св. Петра, митрополита Московского и всея Руси (1326). «Справа от алтаря, — сообщает автор, — в небольшой часовне, куда входишь через маленькую боковую дверь, в медной раке покоятся мощи святого Петра, митрополита Московского, сотворившего, как рассказывают, много чудес. Возле раки, в серебряном ковчеге, показывают золотой крест, усаженный множеством драгоценных камней. Крест этот будто бы сделан по заказу императора Константина Великого в подобие того креста, который

явился ему в небесах. Мне говорили, что в нынешнюю войну со шведами, распятие это, в числе других вещей, было взято неприятелем, но впоследствии русские за 50 ригдалеров выкупили его обратно у одного шведского солдата»⁵¹.

Затем сопровождавшие датского гостя клирики показали ему мощи скончавшегося в 1561 г. святителя Ионы, митрополита Московского и всея Руси. «Из бокового помещения меня провели в другой угол собора, на правой же стороне, туда, где лежало цельное, неистлевшее тело митрополита Московского Ионы, почитаемого русскими за святого, — отмечал Ю. Юль. — Между этим и противоположным углом, с левой стороны на полу, стоит несколько гробниц патриархов, обтянутых черным сукном и обнесенных железной решеткой»⁵².

И, наконец, Ю. Юль смог видеть место захоронения святителя Филиппа, митрополита Московского и всея Руси (1507—1569). «В левом углу, если выходить из алтаря, покоится тело русского митрополита Филиппа, тоже почитаемого русскими за святого»⁵³, — записал датский гость в своем дневнике. Датскому посланнику были также показаны другие святые Успенского собора, и снова он смог убедиться в том, что русские христиане благоговейно почитают как память святых угодников Божиих, так и их мощи.

«Мне вынесли также главу Иоанна Златоуста, в серебряном ларе, — вспоминал Ю. Юль, — ...а равно правую руку апостола Андрея, обхваченную серебряным обручем, в том будто бы месте, где она была привязана ко кресту. Сохшиеся пальцы этой руки съезжились и скрючились, ввиду чего утверждают, будто они находятся в том самом положении, в каком св. Андрей крестился им, когда шел на казнь. Еще показывали голову патриарха Константинопольского Григория Benedicti⁵⁴ в серебряном ковчеге; палец Василия Великого, как свидетельствуют русские, первого по времени чудотворца; далее кусок кости Иоанна Крестителя, нижнюю челюсть Владимира, первого русского христианского царя: он ввел христианство в России; несколько костей Алексея Митрополита⁵⁵, кость св. Сергия⁵⁶, погребенного в Троицком монастыре, в 30 верстах от Москвы; кость греческого мученика Евфимия⁵⁷ и, наконец, образ Божией Матери, украшенный серебром, золотом и драгоценными камнями»⁵⁸.

Ю. Юль побывал в некоторых русских монастырях; так, он посетил в марте 1711 г. под Москвой «так называемый Иерусалим, или Воскресенский монастырь, построенный по образу Иерусалимского храма, что над Гробом Господним», и составил его описание для датских читателей⁵⁹.

Летом того же года он со своим секретарем Расмусом Эребо побывал в Киеве и посетил Киево-Печерскую обитель. «26 июня 1711 года мы прибыли в Киев, — отмечал Р. Эребо. — Тут я имел случай увидеть знаменитые Киевские пещеры с могилами святых. Потом я купил печатный план этих пещер, с описанием их полатыни, и изданное по-славянски житие важнейших из киевских святых, с гравюрами; обе книги приобретены мною в самом Киеве»⁶⁰.

Заканчивая этот раздел, следует отметить, что в XVIII ст. лютеране Западной Европы и скандинавских стран могли ознакомиться с традицией почитания святых не только в России, но и в Святой Земле, а также на Синае. Так, например, в апреле 1712 г. древнюю Синайскую обитель посетил Мнкаэль Энеман, профессор Упсальского университета, который оставил записки об этом паломничестве⁶¹. В 1733 г. шведские послы при Османской Порте Карл Фридрих фон Хёпкен и Эдуард Карсон также описали свое путешествие в Египет, Палестину и на Синай⁶², причем эта книга впоследствии выдержала много изданий. А в 1772 г. скандинавский исследователь Карстен Нибург опубликовал свой труд о путешествии в Святую Землю, где, в частности, говорилось и о его пребывании в древней Синайской обители осенью 1762 г.⁶³.

Лютеранские авторы XIX века о русских святых

Интересные сведения о русских святых содержатся в сочинении знаменитого финского историка Х. Г. Портана (1739—1804). Его труд под названием «Grundstrek til Ryska Historien» («Основные черты русской истории») был написан в виде конспекта курса лекций, прочитанного им в Академии Або (ныне Турку, Финляндия). В своем исследовании Х. Г. Портан подчеркивал, что начальные сведения о Древней Руси сохранились благодаря деятельности церковных летописцев. «Древнейшим русским писцом и аналитом был Нестор, монах Печерского монастыря в Киеве: он родился в 1056 г. и умер после 1113 г.», — писал Х. Г. Портан⁶⁴.

Среди источников по истории Русского государства Х. Г. Портан отмечал и церковные книги, под которыми «здесь понимаются по преимуществу жития святых...

изданные под различными названиями: «Четы-Миней», «Пролог», «Патерик» и т. д., состоящие из многих фолиантов. Они — кладезь исторических сведений»⁶⁵. Х. Г. Портан уделит внимание такому знаменательному в истории русского народа событию, как Крещение Руси. Он говорил о князе Владимире, который «ввел христианское учение, вместе с которым (в страну) проникло византийское искусство и науки»⁶⁶.

Впоследствии Х. Г. Портан еще раз обратился к деятельности св. равноапостольного князя Владимира, отмечая, что по возвращении из Херсонеса «он велел разрушить все идолы и крестить свой народ, что и было выполнено. С большой щедростью (он) воздвигал в Киеве церкви, заложил несколько новых городов»⁶⁷. В своем труде Х. Г. Портан отмечал древность русско-скандинавских связей, сообщая о том, что князь Ярослав «взял в жены Ингигерду, дочь короля Олафа Шёткунunga. Этот великий князь укрепил в России христианское учение, велел перевести на славянский язык многие греческие книги, строил церкви и основывал монастыри»⁶⁸.

Финский исследователь не обошел своим вниманием и деятельность св. благоверного великого князя Александра Невского, подчеркивая, что на Руси он издревле почитался как святой угодник Божий. Как писал Х. Г. Портан, Александр Невский умер в 1263 г., «приняв постриг под именем Алексея. Монахи рассказывают о многих чудесах, совершенных им после смерти, за то он был причислен к русским святым. В честь его император Петр I построил роскошный монастырь на Неве»⁶⁹.

В XIX ст. лютеранские исследователи по-прежнему могли ознакомиться с древней традицией почитания святых не только в России, но и на Ближнем Востоке. Среди них можно отметить таких авторов, как Якоб Берген, побывавший в Святой Земле и на Синае в 1821 г.⁷⁰, пастор Эммануил Густав Бесков (1860 г.)⁷¹, Г. фон Кремер (1864 г.)⁷², И. П. ван Карстерен (1892—1893 гг.)⁷³, Л. А. Егерскьод (1902 г.)⁷⁴ и ряд других.

В этот период у лютеранских авторов начало зарождаться, говоря словами современного протестантского богослова, «романтически-литературное отношение к православным святым»⁷⁵. Одним из таких авторов был датский писатель Адам Эленшлегер, который в 1810 г. написал трагедию «Хакон Ярл»⁷⁶. В своем сочинении А. Эленшлегер, основываясь на сказаниях древних саг, рассказывает о взаимоотношениях норвежского короля Олафа Триггвасона (994—1000 гг.) (тезонменитого св. Олафу, правившему несколько позднее) и св. равноапостольного великого князя Владимира (980—1015), которые в те далекие времена полагали свои силы на то, чтобы «водрузить крест на берегах языческих»⁷⁷.

Интересно отметить, что ранее, в 1785 г., незадолго до 800-летия со времени принятия христианства и Крещения Руси св. великим князем Владимиром, в Москве была опубликована поэма русского поэта М. Хераскова «Владимир возрожденный!» (М., 1785)⁷⁸. В этой поэме восхвалялся подвиг равноапостольного князя и те духовные сокровища, которые он стяжал для своего народа, приняв святое Крещение.

Миссионерской деятельности св. князя Владимира была посвящена поэма шведского поэта Эрика Югана (Юхана) Стагнелнуса (1793—1823)⁷⁹ под названием «Владимир Великий» («Vladimir den Store»). Свою поэму Э. И. Стагнелнус опубликовал в Стокгольме в 1817 г. Впоследствии она была переведена на латинский и немецкий языки⁸⁰. В поэме говорится о деятельности киевского князя, о Крещении Руси. Публикация поэмы была благожелательно воспринята в русских литературных кругах; по словам одного критика того времени, Стагнелнус, будучи религиозным поэтом, «почерпал вдохновение из идей и добродетелей христианских».

В 1888 г. поэма «Владимир Великий» была издана на русском языке⁸¹; это издание увидело свет в канун 900-летнего юбилея Крещения Руси. Будучи лютеранином, Э. И. Стагнелнус тем не менее подчеркивает, что князь Владимир за свою миссионерскую деятельность был причислен к лику святых. Эту мысль поэт вкладывает в уста византийской царевны Анны, вышедшей замуж за киевского князя в 988 г. Анна в молитве просит у Богородицы, чтобы князь Владимир «стяжал наследие святых, и, блаженный, он на себя возложил наскви венец их нетленный!». И далее сам поэт утверждает, что «золотом Анны моленья вписаны в книге живой Предвечного Господа Бога».

Русские авторы XIX — начала XX в. о святых Западной Церкви

Известно, что русские православные христиане, следуя древней традиции, с благоговением относились к памяти святых, прославленных Западной Церковью. Этим, по-видимому, и следует объяснить то обстоятельство, что в период Северной войны (1700—1721 гг.) из кафедрального собора Або (Турку) в Петербург были вывезены

мощи св. Генриха (XII в.), первого проповедника христианства в Финляндии. Это было осуществлено при содействии шведского графа Дугласа, назначенного губернатором Або⁸². С другой стороны, существует предание, согласно которому в ходе Северной войны шведы хотели потревожить мощи угодников Божиих, покоившихся в Валаамском монастыре, но не решились сделать это из-за увиденного ими чуда⁸³.

В XIX в. русско-шведские отношения значительно улучшились, и некоторые русские публицисты смогли посетить Швецию. Одним из них был Фаддей Булгарин, побывавший в этой стране в 1838 г. Особое внимание он уделил местам, связанным с деятельностью таких известных святых Западной Церкви, как св. Бригитта, св. Олаф и св. Эрик. Так, в Стокгольмской картинной галерее Ф. Булгарин обратил внимание на образ Пресвятой Богородицы, «о котором сохраняется предание, что он перенесен в королевский древний замок из монастыря св. Бригитты, в Вадстене, и подарен монастырю самой св. Бригиттой, получившей сей образ из Константинополья. Живопись точно византийская, на золотом поле, но надпись оказалась нам славянской, хотя кудрявые буквы и похожи на греческие. Мы прочли слово «Дева» под титлами. Быть может, этот образ писан в Византии для Руси и взят в добычу шведами в Новгороде. Известно, что Делгарди (шведский военачальник.— А. А.) вывез много драгоценностей из Новгорода (в начале XVII в.— А. А.) и между прочим множество рукописей славянских или русских, которые теперь, сказывают, хранятся в замке сей фамилии, в окрестностях Лунда»⁸⁴.

Ф. Булгарин побывал и в Упсале и посетил кафедральный собор, составив его подробное описание⁸⁵. Характерно, что русский публицист начал свое повествование об интерьере храма следующими словами: «У самого входа помещено изображение св. Олафа, короля норвежского, падшего в битве с идолопоклонниками»⁸⁶. «Возле самого алтаря, по левой стороне, за железной решеткой стоит серебряный позолоченный гроб со смертными останками короля Эрика IX, утвердителя христианства в Швеции, а по другую сторону похоронен Олаус Петри, поборник Реформации, прозванный шведским Лютером»⁸⁷, — продолжал автор.

В Старой Упсале (Gamla Upsala) Ф. Булгарин посетил древнюю церковь; внутри, «на середине церкви, означено место, где в католические времена, найдены негнеленные тела св. Эрика и первого шведского христианского проповедника»⁸⁸.

Подобный интерес к святыням Западной Церкви проявлял и профессор Гельсингфорского университета Я. К. Грот (1812—1893; с 1858 г.— академик, с 1889 г.— вице-президент Российской Академии наук). Будучи в 1877 г. на торжествах по случаю 400-летия Упсальского университета, он присутствовал на официальной церемонии, проводившейся в древнем соборе Упсалы. В своих записках Я. К. Грот отметил, что «эта величайшая в (Шведском) королевстве церковь была заложена около 1260 года и вскоре приобрела особенную важность вследствие перенесения в нее мощей св. Эрика, патрона Швеции, останки которого и покоятся здесь в серебряной раке. Тут же за алтарем погребены: Густав Ваза... также шведский реформатор, первый лютеранский архиепископ Лаврентий Петри»⁸⁹.

Я. К. Грот посетил также город Хусбю — место, связанное с деятельностью Олафа Шётконунга — первого христианского короля Швеции, принявшего крещение около 1000 г. Здесь Я. К. Грот осмотрел древнюю церковь, основанную самим Олафом в 1001 г., и впоследствии подробно описал свои впечатления⁹⁰. Русские читатели могли знакомиться с жизнеописаниями западных святых и из художественных произведений. Так, например, в журнале «Финский вестник», который начал издаваться в России с 1845 г., была помещена повесть самого основателя журнала — Ф. Дершау, озаглавленная «Лалли, финн XII столетия»⁹¹. В этой повести рассказывалось о мученической кончине епископа Генриха (XII в.), просветителя Финляндии. В конце повествования автор отметил, что «кольцо и mitra святого Генриха до сих пор составляют герб Абоской Духовной консистории»⁹².

Большое внимание местам, связанным с деятельностью святых Западной Церкви, уделил писатель Е. Л. Марков (1835—1903). Как и его предшественники, он побывал в Упсале и посетил кафедральный собор, где смог видеть гробницу св. Эрика. Поскольку описание русского публициста дополняет сказанное ранее его собратьями по перу, следует предоставить ему слово. «Самая чтимая святыня Упсальского собора — серебряная рака святого короля Эрика, окруженная густой золоченой решеткой и помещенная высоко за главным престолом, — писал Е. Л. Марков. — А в нескольких десятках саженей от собора — издревле почитаемый шведскими колодезь того же святого Эрика; довольно изящная часовенка, увенчанная короной. Она стоит над этим колодезем, вода которого бьет из гранитной ниши под

часовней и сбегает шумным ручьем в русло реки... Святой Эрик считается патроном Швеции. Герб его вошел в национальный флаг шведского государства, а на знамени города Стокгольма и на печати его помещается изображение святого короля. Эрик был современником нашего Андрея Боголюбского. Старая шведская сага говорит, что у этого короля «на душе было три вещи: строить церкви, поддерживать в народе закон и правду и бороться с врагами веры и государства»⁹³.

Е. Л. Марков сообщил русским читателям и некоторые подробности, связанные с кончиной св. Эрика, просветителя Швеции. «Когда датский принц Магнус в 1160 г. напал неожиданно на Упсалу, король Эрик слушал обедню в построенной им церкви св. Троицы, — продолжает Марков. — Несмотря на убеждения своих придворных, благочестивый король не хотел оставить церкви до конца службы, и, только дослушав обедню, он вскочил на коня и бросился на датчан во главе своих воинов. В жестокой сече он был изрублен неприятелями, и эта мученическая смерть увенчала святостью в глазах шведского народа его добродетельную и плодотворную жизнь»⁹⁴.

Но русский писатель не ограничился лишь поездкой из Стокгольма в Упсалу; его интересовали также места, связанные с деятельностью знаменитой шведской подвижницы — св. Бригитты. Е. Л. Марков посетил город Вадстену (ныне Веттерсберг), где св. Бригитта основала монастырь. Как известно, сама св. Бригитта совершила паломничество к гробнице св. Олафа (Норвегия, Нидарос, ныне г. Трондхейм), к гробнице св. Иакова в Компостеллу (Испания), а также в Иерусалим⁹⁵. При возвращении из Святой Земли на родину она скончалась в Риме в 1373 г. Ее останки были перевезены в Швецию и помещены в Вадстенском монастыре. В 1391 г. римский папа Бонифаций IX причислил Бригитту к лику святых. Говоря о св. Бригитте, Е. Л. Марков отметил, что «ее заботами Священное Писание было переведено на тогдашний шведский язык... Святая жена пользовалась таким уважением своих земляков и иноземцев, среди которых она жила во время своих благочестивых странствований, что жертвы на ее монастырь приходили отовсюду. Шведский король подарил для обители землю в Вадстене. Бедные, больные — кто бы они ни были, из какой бы страны ни пришли — находили в святой жене нежную, самоотверженную мать»⁹⁶.

Сообщая про современное ему состояние Вадстенского монастыря, Е. Л. Марков отметил, в частности, что мощи св. Бригитты в то время почитались и протестантами. «Издали еще высоко торчит над водой острый шпиль церкви св. Бригитты, которой обязана своим основанием и сама древняя Вадстена, — писал русский автор. — Обитель св. Бригитты закрыта уже давно (с 1595 г. — А. А.), вместе с упразднением в Швеции католического культа. В историческом монастыре помещается также дом душевнобольных, хотя в церкви его еще хранятся чтимые даже протестантами останки святой основательницы монастыря. Имя св. Бригитты широко было знакомо христианскому миру в былые века и составляет одно из самых трогательных имен суровой истории скандинавов... Она была святой и чистой с самого младенчества своего»⁹⁷.

Путешествуя по Гета-каналу, Марков посетил местечко Берг близ Моталы. Раннее близ Берга находился древний монастырь Врета — «один из самых любопытных в Швеции, сохранившийся почти в первобытном виде с XII столетия»⁹⁸. В старой монастырской церкви Марков видел «грубые каменные гробницы, прикрытые плоскими плитами, Магнуса Датского, Рогвольда Свейского и Готского (1157 г.) и разных других первобытных властителей Швеции»⁹⁹. Там же ему довелось увидеть практические последствия, к которым привело постепенное упразднение почитания святых в Лютеранской Церкви. «Вокруг этих невзрачных царских усыпальниц, — продолжает автор, — прислонены к стенам, навалены на подоконники, на рундуки и скамьи, большие, в рост человека, и маленькие, как игрушки, многочисленные деревянные статуи святых, ангелов и королей, когда-то раскрашенные, но теперь совсем облезлые, с отбитыми носами, с отломанными руками»¹⁰⁰.

Вместе с Е. Л. Марковым можно мысленно совершить паломничество к тому месту, где в течение нескольких столетий пребывали мощи св. Олафа, просветителя Норвегии, память о котором долго сохранялась и на Руси. Сначала автор предлагает направиться в город Остерзунд и посетить расположенные близ него местечко Пильгрим-штад, которое «прячется в лесных холмах берегов озера Рефаунд». «Когда-то, в далекие дни католичества, — пишет Марков, — шведские богомольцы, отправлявшиеся пешком из Стокгольма, Упсалы, Фалуна, в благочестивый поход к гробнице св. Олафа, покоившейся под стрельчатыми сводами славного тогда по всей Скандинавии Трондхеймского собора, имели обычай делать привал в прохлад-

ных рогах Пилигрим-штада, на берегу его светлого озера, чтобы основательно отдохнуть на середине своего длинного пути и запастись силами перед предстоящим им тяжким подъемом на горный хребет. Имя городка осталось единственным памятником этих былых событий»¹⁰¹.

Далее путь паломников лежал в Нидарос (ныне Трондхейм, Норвегия), где покоились мощи св. Олафа. Как отмечал Е. Л. Марков, «один из древнейших королей Норвегии Олаф Тригвесон... принял на чужбине христианство и построил в Трондхейме... первую христианскую церковь св. Климента, в которой был погребен впоследствии его преемник — Олаф Святой. Над гробницей этого святого и воздвигнут был в XI столетии третьим Олафом, по прозванию Кирре, то есть Мирлолюбивый, знаменитый собор»¹⁰².

Как известно, св. Олаф погиб в 1030 г. в битве при Стикластадире (Стиклекстаде), и норвежцы вскоре перенесли его тело с поля битвы в церковь Нидароса, поскольку «стала ходить настойчивая молва о чудесах, которые совершались от него»¹⁰³.

Именно после этого начался расцвет Нидароса. «Гробница Олафа Святого и создала собственно славу и богатство древней норвежской столице, — подчеркивал Е. Л. Марков. — В Нидарос, расположенный чрезвычайно удобно при устье одного из безопаснейших и многоводнейших фьордов Норвегии, стали с тех пор притекать многочисленные толпы богомольцев; кроме главного собора во имя св. Олафа, где стояла его гробница, в Нидаросе возникло 5 монастырей и много церквей. Короли стали завещать погребать себя в том городе и в том храме, где покоился их святой предок; короли стали венчаться на царство в храме, освященном чудесами святого, чтобы заслужить его покровительство и помощь»¹⁰⁴.

Начавшаяся в XVI в. Реформация принесла перемены всем странам Северной Европы; не избежала этой участи и древняя столица Норвегии. «Нидарос, переименованный только в XVI веке в Трондхейм, сделался официальной столицей и резиденцией норвежских королей и важным торговым городом, а вместе с тем целью и средоточием всяких междоусобиц и войн. Времена Реформации нанесли непоправимый удар славе и значению Трондхеймской святыни»¹⁰⁵, — констатировал Е. Л. Марков.

Русский автор повествует далее о мощах св. Олафа, судьба которых интересовала его как православного христианина. «Датчане, тогдашние владыки Норвегии, в своем рвении к принятому ими учению Лютера, воздвигли беспощадное гонение на все священные изображения и другие, по их мнению, языческие принадлежности католицизма; рака с прахом св. Олафа, содержавшая в себе 3200 унций серебра и осыпанная драгоценными камнями, которую глубоко чтил весь норвежский народ и которую обыкновенно обносили в торжественной процессии по улицам города при всяком важном событии 60 почетных граждан, была похищена датчанами, увезена неизвестно куда и с тех пор уже не была найдена. Прекратились многочисленные паломничества в Трондхейм со всех концов Норвегии и Швеции, исчезли мало-помалу монастыри и церкви»¹⁰⁶ — так заканчивается сообщение Е. Л. Маркова.

Эти сведения подтверждает и другой русский автор — Н. З. Новинский, побывавший в Норвегии в начале нынешнего века. По его словам, в Трондхейм на поклонение мощам св. Олафа «стекалась масса паломников, и город процветал. Реформация положила этому конец; даже самые мощи были похищены из собора и где-то зарыты»¹⁰⁷.

Город начал постепенно клониться к упадку, оставшись лишь небольшим торговым поселением. В этом состоянии и находился Трондхейм в те годы, когда там побывал Н. З. Новинский. Автор сообщает о тех усилиях, которые старались предпринять местные власти, чтобы возродить былую славу Трондхейма: «местные жители не довольствуются этим (положением.— А. А.); их гложет воспоминание о толпах пилигримов, стекавшихся к мощам св. Олафа, и они желают взамен паломников привлечь туристов»¹⁰⁸.

Но какие бы достопримечательности ни находились в Трондхейме, несомненно одно: город навсегда будет связан с именем св. Олафа, и именно это будет привлекать сюда гостей из разных стран. Этот вывод и делает русский автор. «Но самой главной достопримечательностью остается Трондхеймский собор, — пишет Н. З. Новинский. — Начало его постройки относится к первой половине XI столетия, когда в Трондхейм были перевезены мощи св. Олафа. С тех пор он подвергался неоднократным перестройкам, но всегда оставался самой грандиозной церковью в Скандинавии»¹⁰⁹.

Заключение

В настоящем обзоре представлены лишь некоторые аспекты православно-лютеранских отношений, касающиеся почитания святых угодников Божиих. Тем не менее необходимо хотя бы кратко оценить приведенные сведения с православной точки зрения. Но для большей объективности и здесь можно воспользоваться лютеранскими вероучительными текстами, а также высказываниями лютеранских богословов.

Как известно, 21-й член Аугсбургского исповедания учит лютеран тому, «что святых необходимо почитать, поскольку через это наша вера усиливается, поскольку они обретали благодать, и им в вере была оказана помощь»¹⁰. Но также известно, что в Евангелическо-Лютеранской Церкви не существует молитвенных обращений к Божией Матери и святым. По словам современного лютеранского богослова, «если отцы Реформации еще и помнили святых, то благодаря все увеличивающемуся отталкиванию от католицизма почитание святых в дальнейшем развитии Лютеранской Церкви пришло в полный упадок. Лютеранство как бы уступило мучеников и святых католичеству и Православию и само обеднело в этом отношении. Вера в ангелов и архангелов, которая была распространена при Лютере, также пришла в упадок»¹¹.

Это обстоятельство может быть объяснено в определенной степени теми историческими факторами и той ситуацией, при которых протестанты предпринимали свои первые шаги по устранению некоторых элементов, противоречивших Евангельскому учению и тем не менее существовавших в церковной практике Римско-Католической Церкви. Лютеране считали, что католическая практика, сложившаяся к XVI в., «превратила святых в распределителей Божией милости, оставив для Христа понятие Судии, чем исказила Его образ — милостивого и любвеобильного Спасителя. Кроме того, Католическая Церковь считала, что деяния святых и их заслуги перед Господом являются ее достоянием и она может ими распоряжаться и отпустить, т. е. как бы покрывать этими сокровищами, грехи ее членов. Лютер же считал, что только искупительная смерть Иисуса Христа за нас является единственным сокровищем Церкви и источником спасения для верующих»¹².

По-видимому, именно это обстоятельство и побудило Филиппа Меланхтона, автора Аугсбургского исповедания, который в других вопросах отличался умеренностью, сформулировать дальнейшее содержание 2-го члена указанного исповедания следующим образом: «Из Священного Писания, однако, не следует свидетельства, что нужно призывать святых или искать у них помощи»¹³.

Но в этом вопросе не существует непреодолимых преград, которые помешали бы лютеранам переосмыслить свое отношение к тем принципам, которые присущи как православной, так и католической церковной жизни. Еще Мартин Лютер в своем «Толковании Магнификата» (1521 г.) прославил Деву Марию, которая через непорочное зачатие стала Богородицей. И в настоящее время, когда в Римско-Католической Церкви восстановлено то отношение к почитанию святых, которое существовало в Древней неразделенной Церкви и позднее сохранялось в Православии, не исключена возможность того, что перед лютеранами снова может встать вопрос о возобновлении практики молитвенного общения со святыми. Подтверждением тому служат слова современного лютеранского богослова, который, говоря о возможности такого возврата к древнехристианской традиции, писал о том, что «существенную предпосылку для этого можно увидеть в уважении, проявляемом теперь лютеранскими образованными кругами к старцам и святым Русской Церкви. Русская литература пробудила в этих кругах сознание того, что православные святые излучают особые силы Божественной благодати»¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Соболевский А.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — Известия Отделения русского языка и словесности, т. 88, № 3. СПб., 1910, с. 36—47; *Рыдзевская Е. А.* Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. 2. М.—Л., 1935, с. 9.

² *B. Kahle.* Altnord. Saga-Bibliothek, XI, 3. Цит. по: *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч., с. 16. (*Kristni Saga*, XIII, с. 2—4).

³ *J. Metzler.* Olaf Haraldsson. — Lexicon für Theologie und Kirche. Bd. 7. Freiburg, 1936, Sp. 695.

⁴ Там же.

⁵ Древнейший литургический текст мессы в день св. Олафа (29 июля) имеется в английской рукописи 1060-х гг. (Cambr. CCC 422). Одной из древнейших церквей в честь св. Олафа является церковь в Сигтуне, первой столице Швеции; этот храм был построен до 1187 г., вероятно, во второй половине XI в. (см.: *E. Floderus. Sigtuna. Acta archaologica. 1 Kobenhavn, 1930*). Известны древние церкви во имя св. Олафа и в других местах.

⁶ Цит. по: *Горн Ф. В. История скандинавской литературы. М., 1894, с. 33.*

⁷ См.: Новгородская первая летопись. М., 1950, с. 29, 215.

⁸ См.: *Мельникова Е. А. Сведения о Древней Руси в двух скандинавских рунических надписях.—История СССР, 1974, № 6 (ноябрь-декабрь), с. 177.*

⁹ См.: Русская историческая библиотека (РИБ), т. VI. СПб., 1908, стлб. 60; *Никитский А. И. История экономического быта Новгорода Великого. М., 1893, с. 54; Мельникова Е. А. Свидетельства скандинавских рунических надписей XI—XII вв. о народах Восточной Европы.—Скандинавский сборник, т. XX. Таллин. 1975, с. 163.*

¹⁰ См.: *Соболевский А. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии.—Известия Отделения русского языка и словесности, т. 88. СПб., 1910, с. 46—47.*

¹¹ См.: *Codex AM 619 quarto. Цит. по: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978, с. 88; см. также: Мельникова Е. А. Сведения о Древней Руси... с. 178.*

¹² Цит. по: *Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977, с. 113. (Надпись: Шюста — Sjusta, Ур. 687.)*

¹³ Цит. по: Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 3.

¹⁴ Там же, с. 5.

¹⁵ Цит. по: *Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе.—В сб. Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 325—326; см. также: Шаскольский И. Посольство Александра Невского в Норвегию.—Вопросы истории, 1945, № 1, с. 112—116.*

¹⁶ *Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XIII в. ... с. 326.*

¹⁷ Цит. по: *Филиппов А. М. Русские в Лапландии в XVI веке.—Литературный вестник, 1901, т. I, кн. 3, с. 297.*

¹⁸ Там же, с. 299.

¹⁹ В 1557 г. в Россию для заключения мира прибыли посланцы от шведского короля Густава Адольфа. Среди них были Лаврентий Петри, архиепископ Упсальский, и Микаэль Агрикола, епископ Абоский. О содержании переговоров см.: *Сборник имп. Русского исторического общества, т. 129. СПб., 1910; Памятники дипломатических сношений России со Швецией, с. 23—49.*

²⁰ См.: *Цветаев Д. В. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, с. 539.*

²¹ См.: *Расмуссен Кнуд. О книге Якова Ульфельда «Hodoerogicon Ruthenicum». Франкфурт, 1608.—Скандинавский сборник, № 23. Таллин, 1978, с. 62.*

²² Цит. по: Путешествие в Россию датского посланника Пакова Ульфельда в 1575 году. ЧОИДР, 1883, кн. II, отд. 3 (апрель—июнь), с. 20.

²³ Там же, с. 20—21.

²⁴ Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию в 1602 году. Публикация Ю. Н. Щербачева. ЧОИДР, 1911, кн. 3, ч. II.

²⁵ Там же, с. 34.

²⁶ В эту же ночь герцог Ганс скончался и «25 ноября, в Екатеринин день... был похоронен в Слободе, в полумиле от Москвы, в немецкой церкви» (там же, с. 48).

²⁷ Цит. по: *Соколов И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880, с. 117.*

²⁸ *Седерберг Генрих. Заметки о религии и нравах русского народа во время пребывания его в России с 1709 по 1718 г. ЧОИДР, 1873, кн. 2, апрель—июнь, отд. 4, с. 14.*

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 36.

³¹ Там же.

³² *Петр Петрей. История о великом княжестве Московском. ЧОИДР, 1866, январь—март, ч. I, отд. IV, с. 96.*

³³ Там же, с. 101.

³⁴ В скандинавских государствах, вплоть до перехода на метрическую систему, расстояние измерялось в милях; 1 миля равнялась 7,532 км (*Прим. авт.*).

³⁵ *Петр Петрей*. Цит. соч. ЧОИДР, 1865, ч. IV, октябрь—декабрь, отд. IV, с. 7.

³⁶ Там же, с. 8.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 8—28; см. также: ЧОИДР, 1866, апрель—июнь, ч. II, отд. IV, с. 185—280.

⁴⁰ Там же, 1865, ч. IV, отд. IV, с. 33.

⁴¹ Там же, с. 34.

⁴² *Седерберг Г.* Указ. соч., с. 15.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, с. 14.

⁴⁵ Сам Петр был далек от религиозной нетерпимости к инославию, о чем свидетельствует следующий факт. На одном из памятных листков, которые Петр I всегда носил с собой и в дороге, и дома, его рукой отмечены годы рождения и смерти Мартина Лютера (см.: *Грот Я. К.* Сочинения, т. IV. СПб., 1901, с. 86).

⁴⁶ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1900, с. 109.

⁴⁷ Там же, с. 110.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 111.

⁵⁰ Там же, с. 288.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, с. 289.

⁵³ Там же, с. 290.

⁵⁴ В Московском Успенском соборе в особых ковчегах хранились главы св. Григория Богослова и св. Иоанна Златоуста (см.: *Историческое описание Московского Успенского собора*. Сост. прот. А. Г. Левшин. М., 1783, с. 38).

⁵⁵ Святитель Алексий, митрополит Московский и всея Руси (1293—1378); его мощи обретыны в 1439 г. и почили в основанном им Чудовом монастыре (см.: *Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви*. СПб., 1836).

⁵⁶ Преп. Сергей Радонежский—основатель Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (1315—1391). Его мощи обретыны в 1423 г. (см.: *Словарь исторический*).

⁵⁷ Запись неточная; в Московском Успенском соборе хранился ковчег с мощами св. мученицы Евфимии Прехвальной, именно — длань левой руки (см.: *Описание Московского Успенского собора*, с. 38).

⁵⁸ Записки Юста Юля... с. 288—289.

⁵⁹ Там же, с. 298—300.

⁶⁰ Там же, с. 458 (прил.).

⁶¹ *Resa i Orienten 1711—1712 af Michael Eneman Professor i Orientaliska Sprak vid Upsala Universitet*. Upsala, 1889, p. 11.

⁶² *Carl Friedrich von Höpken*: Eduard Carson. Stora Svenska Herrars Resa ets. Stockholm, 1738.

⁶³ *Carsten Nieburg*. Beschreibung von Arabien. Aus eigenen Beobachtungen und im Lande selbst gesammelten Nachrichten abgefasst. Kopenhagen, 1772, S. 399-420; см. также: *Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern*. 3 Bd. Kopenhagen, 1774-78; Hamburg, 1837.

⁶⁴ *Дорган Х. Г.* Основные черты русской истории. М., 1982, с. 21.

⁶⁵ Там же, с. 29.

⁶⁶ Там же, с. 41.

⁶⁷ Там же, с. 47.

⁶⁸ Там же, с. 49.

⁶⁹ Там же, с. 57.

⁷⁰ *Jakob Berggen*. Resor I Europa och Oesteränderne. Stokholm, 1826—1828. 3 vol (нем. изд.: Leipzig—Darmstadt, 1828—1834, 3 vol.).

⁷¹ *Reseminnen fran Egypten, Sinai och Palestina, 1859—1860. Af Gustaf Emanuel Beskow, Pastor-Adjunkt*. Stokholm, 1861, p. 104-137.

⁷² *R. V. Kraemer*. En Winter i orienten. Reseanteer kningar från Egypten, Nubien, Sinai och Palestine. Stokholm, 1866.

⁷³ *J. P. van Karsteren*. Van den Sinaii Kijkjes en hedendaagsche bijbelvragen. Nijmegen, 1904.

⁷⁴ *L. A. Jägerskiöld*. Fran Sudan och Sinai. Stokholm, Norstedt, 1903.

- ⁷⁵ *Гейер Фридрих*, пастор. Беседа о Лютеранской Церкви с православными христианами, с. 19 (брошюра издана в Германии в конце 1940-х — начале 1950-х гг.).
- ⁷⁶ См. рецензию в: *Вестник Европы*, 1812, ч. 64, № 16, с. 272—279.
- ⁷⁷ Там же, с. 274.
- ⁷⁸ Поэма впоследствии неоднократно переиздавалась (*Прим. авт.*).
- ⁷⁹ Сын Кальмарского епископа Магнуса Стагнеллуса (1746—1829) Эрик Иоганн Стагнеллус родился в 1793 г. на о. Эланде, к юго-западу от Готланда, обучался в Лундском и Упсальском университетах и умер в 1823 г. в Стокгольме, прожив только 29 лет (*прим. авт.*).
- ⁸⁰ См.: Vladimir Magnus. Poema Stagnelianum latino carmine relictum. Uppsala, 1840—1842. (Нем. перевод.—Wladimir der Grosse ein episches Gedicht in 3 Gesänge. Первый по времени немецкий перевод появился в 1828 г. в Кёнигсберге, второй — в Лейпциге в 1851 г.).
- ⁸¹ Фрагменты поэмы см.: в журнале «Галатея», 1829, № 44, с. 226—245.
- ⁸² См.: *Грот Я. К.* О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом.— *ЖМНП*, 1853, февраль, с. 141.
- ⁸³ См.: *ЖМНП*, 1892, март, с. 180.
- ⁸⁴ *Булгарин Ф.* Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г. Ч. II. СПб., 1839, с. 121—122.
- ⁸⁵ Там же, с. 281—286.
- ⁸⁶ Там же, с. 281.
- ⁸⁷ Там же, с. 282.
- ⁸⁸ Там же, с. 293.
- ⁸⁹ *Грот Я. К.* Воспоминания о 400-летнем юбилее Упсальского университета. Сочинения, т. I. СПб., 1898, с. 644.
- ⁹⁰ Там же, с. 544—546.
- ⁹¹ См.: *Финский вестник*, 1845, т. I, отд. 3, с. 1—22.
- ⁹² Там же, с. 22.
- ⁹³ *Марков Е. Л.* Поездка в Далекарлию.— *Вестник Европы*, 1900, декабрь, с. 621.
- ⁹⁴ Там же, с. 622.
- ⁹⁵ См.: *Православная богословская энциклопедия*, т. II. СПб., 1901, с. 600.
- ⁹⁶ *Марков Е. Л.* По Швеции.— *Вестник Европы*, 1900, май, с. 102.
- ⁹⁷ Там же, с. 101.
- ⁹⁸ Там же, 1900, апрель, с. 480.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 481.
- ¹⁰¹ *Марков Е. Л.* Поездка в Далекарлию... с. 611.
- ¹⁰² *Марков Е. Л.* На родине норманнов. Город св. Олафа.— *Русский вестник*, 1901, ноябрь, с. 116.
- ¹⁰³ Там же, с. 118.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ *Новинский Н. З.* У северных соседей. Харьков, 1913, с. 42.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 43.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ *Das Augsburger Bekenntnis Deutsch. Revidierter Text.* Göttingen. 1978. S. 37.
- ¹¹¹ *Гейер Ф.* Цит. соч., с. 19.
- ¹¹² Там же, с. 18—19.
- ¹¹³ *Das Augsburger Bekenntnis Deutsch*, S. 37.
- ¹¹⁴ *Гейер Ф.* Цит. соч., с. 19.